

денег на приобретение; избыток называется расточительностью, а недостаток скупостью».²⁰

Григорий Нисский повторял Аристотеля: «... всякая добродетель есть середина двух зол — недостатка и чрезмерности в добре. Например, о мужестве и свободе говорят, что одно усматривается в середине между трусостью и дерзостью, а другая — между связанностью мелочами и самовольством. И утверждают, что к числу пороков принадлежат трусость и связанность мелочами по недостатку в надлежащем, а самовольство и дерзость по излишку и преступлению меры; середину же между чрезмерностью в том и другом называют добродетелью».²¹

Античное учение о естественной мере как середине между излишеством и недостатком было нравственным принципом, с помощью которого регулировалась свобода выбора. Отклоняя извращения естественной меры, это учение утверждало жизнь во всех ее здоровых началах. Что было «нужно», «необходимо», «полезно» по самой природе вещей, то и было нравственно. Как бы это ни казалось неожиданным с точки зрения принятых представлений, но у Григория Нисского, как и у Григория Богослова, находились сильные слова в защиту прав человеческой плоти, определявшиеся упомянутым принципом естественной меры. В рассуждении «О девстве» Григорий Нисский, проповедуя общие христианские воззрения на брак, вместе с тем писал: «Никто, впрочем, из сказанного нами не должен заключать, что мы отвергаем установления брака: ибо неизвестно нам, что и он не лишен благословения божия. Но поелику в защиту его достаточно говорит общая природа человеческая, вложившая самопроизвольное стремление к нему во всех, которые путем брака рождают детей, а девство как бы противоречит природе, то излишен был бы и труд писать советы и увещания относительно брака, когда само удовольствие служит непреодолимым его защитником. Нужна может быть такая речь о браке для тех, которые искажают догматы церкви, которых апостол именует сожженными своей совестью (1 Тим. IV, 2) и именует справедливыми...» (разрядка наша, — А. К.).²²

Это рассуждение Григория Нисского шло от античности. И Платон утверждал в «Законах», что «человек должен держаться своей вечно рождающей природы». И Аристотель называл в «Этике» брак древнейшим и необходимым установлением природы.

Патристическая литература, составляющая огромную часть древнерусской письменности, несла с собой и «остатки древней образованности» для тех, разумеется, кто искал древнюю образованность, кто умел отделять истинное знание от ложного. О фонде патристической литературы в древнерусской письменности Горский и Невоструев писали: «Таковыми и другими способами составилась у нас богатый запас переводов отеческих писателей, какого не представляет ни одна древняя литература новых западных народов».²³

Но ни Иулиан, ни Григорий Нисский, ни Григорий Богослов, ни другие многочисленные «отцы церкви», сочинения которых в большем или меньшем объеме представлены в древнерусской письменности, не могли служить ознакомлению с античным философским наследием так, как сочинения Псевдо-Дионисия Ареопагита.

²⁰ Аристотель. *Этика*, стр. 32.

²¹ Григорий Нисский. Точное изъяснение песни песней Соломона. Творения, ч. III, М., 1862, стр. 245—246.

²² Григорий Нисский. О девстве. Творения, ч. VII, М., 1865, стр. 323—324.

²³ А. Горский и К. Невоструев. Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки отд. II, стр. VI.